

Бледные Лица

Цивилизация. Обратный отсчет

Влад Апостол

Влад Апостол
Бледные Лица

«Автор»

2026

Апостол В. В.

Бледные Лица / В. В. Апостол — «Автор», 2026

Сначала это кажется далёкой новостью: закрытые маршруты, тревожные кадры из Китая, молчание властей, слухи о неизвестном вирусе на Урале. Потом связь начинает обрываться, аэропорты перестают работать, дороги покрываются блокпостами, а слово «карантин» всё чаще встречается на табличках, дверях и временных ограждениях. Алекс оказывается в Лиссабоне по работе, когда мир начинает сходить с ума. Его жена Анна — в Москве, среди эвакуируемых иностранных делегаций. Их дети ждут в норвежской коммуне Вега. Между ними — тысячи километров, закрытые границы, заражённые, патрули, карантинные зоны и люди, которые постепенно перестают ими быть. «Бледные Лица» — история падения всего. Шаг за шагом, день за днём, через страх, грязь, усталость, надежду и невозможное желание добраться домой.

© Апостол В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Штамм»	5
Глава 2. «Посадка»	17
Глава 3. «Список»	24
Глава 4. «Платформа семь»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Влад Апостол

Бледные Лица

Глава 1. «Штамм»

Сначала Китай исчез с карт авиакомпаний.

Это заметили не сразу. Самолёты ещё летели над Монголией, вставали в очереди над Пекином, садились в Шанхае. На сайтах можно было выбрать дату, место у окна и специальное питание. Только после нажатия кнопки оплаты появлялось серое сообщение: рейс недоступен.

К вечеру исчезли поезда.

К следующему утру китайское телевидение показало пустые проспекты, людей в белых костюмах и колонны автобусов с затемнёнными окнами. Диктор сообщил о временных санитарных мероприятиях в нескольких северных провинциях. За его спиной на карте Китая не было ни одного выделенного района.

Другие каналы выделяли сразу семь.

Кадры повторялись одни и те же. Машины, распыляющие над дорогами белый туман. Полицейские цепи. Закрытые станции. Люди, снимавшие из окон, пока кто-то не приказывал им отойти. Иногда в эфир попадало то, что не успевали вырезать: санитарный фургон, раскачивающийся изнутри; трое солдат, стрелявших в дверной проём; босой мужчина, который бежал по разделительной полосе с неестественно вывернутой рукой.

Такие фрагменты длились несколько секунд. Ведущие называли их непроверенными. Специалисты говорили о массовой истерии, поддельных роликах и неизбежных слухах во время любой эпидемии.

Потом в интернете появилась карта российско-китайской границы.

Автор отметил красным все автомобильные и железнодорожные переходы. Возле каждого стояло одно слово: ЗАКРЫТ.

Официального подтверждения не было. Представитель пограничной службы сообщил о плановых учениях. Министерство транспорта объяснило отмену поездов техническими причинами. Несколько региональных администраций одновременно попросили жителей не приближаться к приграничным районам.

На записи из маленького села над крышами кружили два чёрных ударных вертолёт. Снимавший шептал, что это «Чёрные акулы». Вертолёты шли низко, почти касаясь брюхом вершин сосен. Под крыльями были видны подвесные блоки вооружения.

Видео удалили через девятнадцать минут.

К тому времени его успели посмотреть восемь миллионов человек.

* * *

Подполковник Виктор Нечаев увидел первую группу в 06:43.

На тепловом экране они выглядели россыпью белых точек, двигавшихся между деревьями. Оператор беспилотника насчитал двадцать семь. Потом изображение сместилось, захватило соседний склон, и точек стало больше пятидесяти.

— Увеличьте, — сказал Нечаев.

— Там кроны мешают.

— Оптику включите.

Экран дрогнул. Вместо чёрного леса появилась серая тайга, снятая с высоты. Камера несколько секунд искала резкость. Между стволами двигались люди.

Они не шли по дороге. Не пользовались тропой. Бежали прямо через подлесок, падали на мокрых камнях, поднимались и продолжали. На некоторых была городская одежда — куртки,

рубашки, спортивные брюки. Двое были в больничных халатах. Один тащил за собой длинный кусок колючей проволоки, впившийся в бедро.

— Где китайский заслон? — спросил Нечаев.

Офицер связи прижал наушник.

— Не отвечают.

— Пять минут назад отвечали.

— Теперь не отвечают.

Временный командный пункт находился в кузове штабной машины. Внутри пахло нагретой электроникой, мокрой формой и растворимым кофе. На стене висела подробная карта участка. Синим были отмечены российские подразделения, жёлтым — позиции китайской стороны по данным последнего обмена. Красными магнитами обозначили санитарные посты.

За восемнадцать часов красных магнитов стало в три раза больше.

Нечаев провёл пальцем по лесистому склону.

— Если они сохраняют направление, выйдут к просеке номер четыре.

— Через двенадцать минут, — сказал оператор.

— Там рота?

— Рота и два бронетранспортёра.

— Усилить ещё двумя машинами. Вертолётам — квадрат четыре-семь. Без команды огонь не открывать.

Старший лейтенант у дальней консоли повернулся:

— А если китайцы откроют?

— Они работают на своей стороне. Мы — на своей.

— А если перейдут линию вместе с ними?

Нечаев посмотрел на него.

— Тогда будете смотреть, в кого стреляете.

Лейтенант отвернулся.

Трое суток назад им приказали создать сплошной заслон вдоль шестидесяти километров границы. Сначала говорили о беженцах. Потом — о вооружённых провокаторах. В последнем приказе употребили выражение «биологически опасный контингент».

Солдаты называли их больными.

Врачи — заражёнными.

Лётчики, вернувшиеся с первого патрулирования, называли их бегущими.

Нечаев пока не называл никак.

В боковую дверь постучали. Не дожидаясь ответа, в машину вошла Лидия Карева, руководитель санитарной группы. Поверх защитного комбинезона на ней был армейский бушлат, слишком большой в плечах. Маску она держала в руке.

— Вы должны это увидеть.

— Я уже вижу.

— Не это.

Она положила на стол планшет. На экране находилась фотография внутренней стороны человеческого предплечья. Под кожей проступали тёмные тяжи, похожие на корни растения.

— Утром такого не было, — сказала Карева. — Пациента доставили в два двадцать.

Температура тридцать семь и один. Давление повышено. Речь сохранена.

— Откуда?

— С лесозаготовительной базы. Российский гражданин. За границу не выезжал.

— Контактировал с китайцами?

— Утверждает, что нет.

— Вы ему верите?

— Это уже не имеет значения.

Она перелистнула снимок. На следующем кадре рука была разрезана от запястья до локтя. Мышечные волокна расходились слоями, между ними блестела плотная белёсая ткань.

Нечаев отвернулся от экрана.

— Он умер?

— Нет.

— Зачем тогда разрезали?

— Он сам.

В машине стало тише. Даже операторы, продолжавшие следить за экранами, перестали стучать по клавишам.

— Чем?

— Пластиковой ложкой. Сказал, что под кожей кто-то ходит.

Нечаев снова посмотрел на фотографию.

— Усыпите его.

— Не действует.

— Добавьте.

— Уже добавили. Доза должна была остановить дыхание.

Офицер связи поднял руку:

— Китайская сторона на линии.

Нечаев взял трубку.

Переводчик сидел рядом, но не понадобился. Китайский полковник говорил по-русски медленно и точно.

— Группа пересекла наш внутренний санитарный рубеж. Мы ведём преследование.

— Почему не предупредили раньше?

— Связь была повреждена.

— Сколько человек?

Пауза продлилась чуть дольше, чем требовалось для перевода.

— Четыреста двенадцать зарегистрированных.

— А незарегистрированных?

— Число уточняется.

На центральном экране появились новые белые точки.

Оператор увеличил масштаб. Теперь они шли не одной группой. Тайга была усеяна ими на протяжении нескольких километров.

— Они вооружены? — спросил Нечаев.

— Нет.

— Тогда почему ваши подразделения отходят?

Снова пауза.

— Они не реагируют на ранения.

— Повторите.

— Вы услышали.

На линии раздался чей-то крик. Китайский полковник заговорил в сторону, быстро, уже на своём языке. Затем вернулся:

— В случае пересечения государственной границы вы имеете согласие на уничтожение.

Наша сторона подтверждает режим полного информационного молчания.

— Подтверждаю.

— Удачи.

Связь оборвалась.

Карева тихо спросила:

— Он сказал «уничтожение»?

Нечаев положил трубку.

— Вы слышали.

— Это больные люди.

— Я знаю.

— Там могут быть здоровые.

— Я знаю.

— Как вы будете различать?

Нечаев посмотрел на тепловой экран. Белые точки приближались к просеке.

— Никак.

* * *

На просеке номер четыре стояли два БТР-82А, три грузовика и девяносто шесть человек.

Капитан Тимур Бекетов расставил солдат в две линии. Первая залегла у насыпи, вторая находилась за бронетранспортёрами. Дальше начиналась узкая асфальтовая дорога к посёлку Берёзовый. На ней уже выстроилась колонна эвакуационных автобусов.

Жители смотрели из окон. Некоторые снимали на телефоны. Военные требовали убрать камеры, но люди поднимали их снова.

В лесу трещали ветки.

— Без команды не стрелять, — повторил Бекетов.

Солдат рядом с ним спросил:

— А команда какая будет?

— Короткая.

Над верхушками сосен прошёл первый вертолёт. Воздух задрожал. С деревьев посыпалась вода. Машина сделала широкий разворот и зависла над склоном, развернув нос в сторону границы.

Вторая появилась ниже, почти над дорогой. Чёрный корпус, короткие крылья с подвесками, ослепительные посадочные огни. В посёлке кто-то закричал от восторга, как на авиационном празднике.

Потом из леса вышел человек.

Это была женщина в светлом пальто. Одна туфля потерялась. Ступня была разодрана, но женщина бежала, наступая на неё всем весом. За ней появились ещё трое. Потом десять.

Бекетов поднял громкоговоритель.

— Остановитесь! Ложитесь на землю!

Женщина посмотрела прямо на него. Её лицо было залито кровью от носа до подбородка. Она улыбнулась.

Радости в этом не было. Мышцы рта подёргивались сами, растягивая губы и отпуская.

— На землю! — повторил Бекетов.

Она побежала быстрее.

Лес за ней пришёл в движение.

Люди вываливались на просеку десятками. Они цеплялись за кусты, сталкивались, ползли под упавшими стволами. Один мужчина двигался на четвереньках, волоча сломанную ногу. Другой держал обе руки прижатыми к животу, будто боялся, что оттуда что-то выпадет.

Бекетов услышал приказ в наушнике.

Он опустил громкоговоритель.

— Огонь.

Первая очередь прошла поверх голов. Несколько солдат по привычке взяли слишком высоко. Бекетов заорал, чтобы били по целям.

Вторая очередь остановила женщину в светлом пальто. Она упала на колени, затем лицом вперёд. Через неё перескочили другие.

Заговорили пушки бронетранспортёров.

Звук был настолько плотным, что отдельные выстрелы слились в непрерывный металлический грохот. Земля перед лесом вскипела. Стволы молодых сосен ломались, одежда и тела разлетались по мокрой траве.

Люди продолжали выходить.

Они не искали укрытия. Не ложились под огнём. Не пытались повернуть назад. Передние падали, задние карабкались по ним, проваливались между телами, снова поднимались.

Слева раздался крик. Один заражённый вышел из канавы в двадцати метрах от второй линии. На нём была форма китайского пограничника. Левая половина лица отсутствовала, но правый глаз двигался.

Солдат выпустил в него магазин почти в упор. Заражённый упал только после того, как очередь перебила обе ноги.

— Они обходят! — крикнул кто-то.

Бекетов увидел движение среди деревьев по обе стороны просеки.

Вертолёт наклонил нос. Под ним вспыхнули короткие огни. Ракеты ушли в лес одна за другой. Склон исчез в дыму и щепках. Ударная волна дошла до военных, качнула бронетранспортёр и выбила несколько окон в ближайших домах.

Дети в автобусах начали кричать.

Из штаба приказали отводить гражданских.

Первый автобус тронулся, второй заглох. Водитель снова и снова поворачивал ключ. Люди бросились к дверям, решив, что их оставляют. Узкая дорога мгновенно забилась.

За домами заработал танковый двигатель.

Три машины выдвинулись из резерва и заняли перекрёсток. Их держали здесь на случай прорыва транспорта — грузовиков или бронетехники. Теперь длинные орудия разворачивались в сторону людей.

Бекетов никогда не представлял, что увидит такое.

Первый выстрел превратил край просеки в огненное облако.

На секунду наступила тишина. Затем с противоположного края посёлка послышалась стрельба.

Заражённые уже были там.

Они обошли заслон через тайгу.

* * *

Нина Афанасьевна не поехала с первой колонной, потому что Маша потеряла сапог.

Сапог нашёлся под кроватью, куда девочка забросила его ещё весной. Он оказался мал, но Нина Афанасьевна натянула его, придавив внучке пятку деревянной ложкой. Пока они вышли за калитку, последний автобус уже разворачивался у магазина.

Нина закричала и подняла обе руки. Автобус не остановился.

По улице проехал военный грузовик. Из громкоговорителя приказали оставшимся жителям запереться в домах и ждать следующей колонны.

— Бабушка, они вернутся? — спросила Маша.

— Конечно.

— Когда?

— Скоро.

Нина отвела её в дом. Задёрнула занавески. Заперла входную дверь на крючок, затем придвинула к ней тумбочку, хотя понимала, что тумбочка ничего не удержит.

В стороне границы гремело так, будто над лесом шла гроза. Только промежутки между ударами были слишком ровными. Стреляли пулемёты, потом что-то тяжёлое, от чего дрожали стёкла.

На кухонном столе лежал телефон. Связи не было. Последнее сообщение от дочери пришло ночью: «Мам, не спорь с ними. Садитесь в автобус».

Нина прочитала его ещё раз и положила телефон экраном вниз.

— Идём в подвал, — сказала она.

— Там пауки.

— Сейчас не до пауков.

Подвал находился под кладовой. Нина подняла люк, включила лампу и спустила Машу по деревянной лестнице. Внизу стояли банки с огурцами, мешок картошки и старый сундук. Пахло землёй и сыростью.

— Сядь за сундук.

— А ты?

— Принесу одеяло.

Нина закрыла люк не до конца и вернулась в комнату. Собрала воду, хлеб, спички, таблетки. Подумала и взяла топорик для мяса.

В этот момент во дворе скрипнула калитка.

Она замерла.

— Кто там?

Никто не ответил.

На крыльце послышались шаги. Медленные, тяжёлые. Кто-то задел ведро. Оно покати-лось по доскам и упало в траву.

Нина подошла к окну и раздвинула занавеску двумя пальцами.

У двери стоял Сергей Костин из соседнего дома.

Она знала его с детства. Его мать работала с Ниной на почте. Сам Сергей чинил крыши, зимой чистил людям дымоходы и никогда не брал денег с одиноких стариков.

Теперь его рубашка была разорвана на груди. Под кожей шеи выступали толстые тёмные полосы. Правая рука висела вдоль тела, левая медленно ощупывала дверь.

— Серёжа, — прошептала Нина.

Он повернул голову к окну.

— Нин Афнасьна, — сказал он.

Слова прозвучали вязко, словно рот был наполнен едой.

— Тебе помочь?

Сергей несколько секунд смотрел на неё. Потом кивнул.

— Холодно.

Она чуть не отодвинула тумбочку.

Сергей поднял левую руку и провёл ногтями по двери. На дереве остались четыре глубокие белые полосы.

— Откройте, — сказал он.

Из подвала донёсся голос Маши:

— Бабушка?

Сергей перестал царапать.

Его голова дёрнулась в сторону кладовой.

Нина попятилась.

Первый удар сорвал крючок. Тумбочка отъехала на полметра. После второго дверь рас-крылась, и Сергей упал внутрь вместе с ней.

Он поднялся сразу. Правая рука осталась лежать под телом под неправильным углом. Сергей даже не посмотрел на неё.

Нина встала между ним и кладовой.

— Серёжа, посмотри на меня.

Он смотрел за её плечо.

— Там никого нет.

Из-под люка донёсся тихий плач.

Нина сжала топорик обеими руками.

— Маша, — сказала она, не оборачиваясь. — Закрой крышку.

— Бабушка...

— Закрой и держи. Что бы ни услышала — не открывай.

Сергей сделал шаг.

Нина ударила его топориком по плечу. Лезвие вошло неглубоко и застряло. Сергей посмотрел на торчащую рукоять с детским удивлением.

Нина бросилась к задней двери.

— Сюда! — закричала она. — Серёжа, сюда!

Он пошёл за ней.

Люк в кладовой опустился. Маша навалилась на него всем телом.

Наверху хлопнула дверь. Потом разбилось окно. Нина Афанасьевна продолжала кричать уже во дворе, уводя Сергея от дома.

Девочка зажала рот обеими руками.

Через несколько минут стрельба приблизилась. Банки на полках мелко звенели. Где-то совсем рядом прошёл вертолёт, и с потолка подвала посыпалась земля.

Маша не открыла люк.

Даже когда во дворе стало тихо.

* * *

К полудню заслон существовал только на карте.

Отдельные подразделения продолжали удерживать дороги, мосты и выезды из посёлков. Между ними оставались километры леса. Беспилотники находили группы заражённых, вертолёты заходили на цели, бронетехника перекрывала просеки. Каждая уничтоженная группа распадалась на меньшие. Люди уходили в овраги, болота и дачные посёлки.

Приказ об эвакуации расширили на тридцать семь населённых пунктов.

В крупных городах закрывали вокзалы и аэропорты. На трассах устанавливали бетонные блоки. Грузовики разворачивали без объяснений. Водителям запрещали выходить из кабин. Мобильная связь работала с перебоями, интернет замедлился, но полностью остановить сообщения было невозможно.

Появились кадры горящих домов.

Появилось видео, на котором солдаты стреляли в толпу возле автобуса.

Появилась аудиозапись пилота, требовавшего разрешить огонь по российскому селу.

Официальные каналы продолжали сообщать об учениях.

Китайская сторона хранила молчание.

Российская сторона тоже.

* * *

Срочное совещание началось в 14:10 в зале без окон.

Телефоны оставили в металлических ячейках у входа. Связь внутри шла по закрытой линии. На стене горела карта России, испещрённая жёлтыми и красными кругами.

За столом находились представители Министерства обороны, Министерства здравоохранения, Роспотребнадзора, Федерального медико-биологического агентства, МЧС и специальных служб. Некоторые прибыли в форме. Остальные выглядели так, будто их выдернули из постели.

Руководитель эпидемиологической группы стояла у экрана. Её доклад длился двенадцать минут.

Первые подтверждённые случаи находились в приграничных районах. Вторичные очаги обнаружили на Урале, в Западной Сибири и Подмосковье. Между ними не было очевидной связи.

— Связь есть, — сказала она. — Мы просто пока её не видим. Инкубационный период может проходить без температуры и респираторных симптомов. Носители передвигались свободно не менее одиннадцати дней.

На карте появились тонкие линии авиарейсов, поездов и автомобильных маршрутов.

— Сколько заражённых? — спросил человек в сером костюме.

— Подтверждённых — две тысячи восемьсот шестнадцать.

По залу прошёл облегчённый шорох.

Женщина не села.

— Возможных носителей, с учётом мобильности и позднего выявления, — от двадцати семи до шестидесяти четырёх миллионов.

Шорох исчез.

— Шестидесят четыре миллиона? — переспросил представитель МЧС.

— Это верхняя граница модели.

— Почти половина страны.

— Потенциально контактировавшая. Не заражённая.

— Вы сами понимаете разницу?

— Пока да.

Она переключила слайд. На экране появились снимки тканей.

— Возбудитель вызывает ускоренное и неупорядоченное восстановление повреждений.

Организм перестраивает соединительную, мышечную и костную ткань. Центральная нервная система поражается неравномерно. Боль, страх и часть высших функций подавляются. Некоторые речевые навыки сохраняются.

— Они понимают, что делают?

— Некоторые — да.

— Лечение?

— Нет.

— Вакцина?

— Нет.

— Прогноз?

Женщина посмотрела на карту.

— Нет.

Несколько секунд никто не говорил.

Затем пожилой мужчина у дальнего края стола спросил:

— Это что, конец?

Вопрос прозвучал неофициально и потому страшнее всего остального.

Председатель совещания закрыл лежавшую перед ним папку.

— Не спешите с выводами. Что-нибудь придумаем.

Он обвёл взглядом присутствующих.

— Пока что храним молчание. Публично — санитарные учения и временное ограничение движения. С китайской стороны договорённость подтверждена. Никаких взаимных обвинений, никаких данных об очагах.

Представитель спецслужбы наклонился к микрофону:

— Информация уже расходится.

— Ограничивайте.

— Полностью не получится.

— Тогда заполняйте эфир другим. Главное — не допустить массового исхода из городов.

— А если модель верна?

Председатель посмотрел на красные круги вокруг Москвы.

— Поднимайте готовность защищённых пунктов управления. Запасы, автономные системы, медицинские блоки. Проверить списки допуска.

Он выдержал паузу.

— Готовьте бункеры.

* * *

В Лиссабоне было десять минут десятого.

Алекс сидел у окна переговорной и смотрел, как на соседней крыше женщина развешивает белые простыни. Внизу по проспекту двигался жёлтый трамвай. У кофейни напротив выставляли столики.

Совещание должно было начаться в девять, но генеральный директор опаздывал. Двенадцать руководителей отделов ждали молча, делая вид, что работают. На большом экране застыла первая страница презентации: «Реструктуризация европейской логистической сети. Четвёртый квартал».

Начальник финансов постукивал ручкой по блокноту. Руководитель португальского отдела продаж отвечал на сообщения. Безопасник Карлуш Кошта сидел ближе всех к двери и не открывал ноутбук.

— Кто-нибудь знает, что происходит? — спросила женщина из юридического отдела.

Никто не ответил.

Алекс посмотрел на телефон. От Анны сообщений не было. Последний раз они разговаривали накануне вечером. Она жаловалась, что у посольства поставили дополнительный полицейский пост и второй день проверяют машины. Алекс сказал, что это связано с новостями из Китая. Анна ответила, что полицейские почему-то стоят лицом не к улице, а к воротам посольства.

В 09:13 дверь открылась.

Генеральный директор Дуарте Алмейда вошёл без помощницы. Обычно он появлялся с планшетом, стаканом воды и человеком, который должен был включить презентацию. Сегодня в руках у него был только телефон.

Он закрыл дверь на замок.

— Карлуш, опустите шторы.

Начальник охраны встал. Жалюзи зашуршали, закрывая окна одно за другим. Комната стала серой. Кто-то нервно усмехнулся.

— Это конфиденциальная часть реструктуризации? — спросил финансист.

Алмейда не улыбнулся.

— Всем нужно кое-что увидеть.

Он подключил телефон к экрану. Вместо презентации появился международный новостной канал.

Показывали карту России. Дальний Восток был закрыт красной полосой. Ведущая сообщала о неподтверждённой полной блокаде границы с Китаем. Российские власти называли происходящее учениями.

Алмейда перемотал трансляцию.

На экране появилось село. Снимали из окна автомобиля. Над домами кружили два боевых вертолётa. За кадром кто-то говорил по-русски. Алекс разобрал только отдельные слова: «лес», «стреляют», «не выпускают».

Вертолёт наклонился. Под крылом вспыхнул огонь. Лес на дальнем склоне исчез за дымом.

Запись оборвалась.

— Это Дальний Восток? — спросил кто-то.

— Был, — ответил Алмейда.

Он включил другой ролик.

Теперь снимали на Урале. Широкий городской проспект был заполнен брошенными машинами. Между ними бежали люди. Один мужчина, весь в крови, бросился на полицейского. Камера дёрнулась. Послышались выстрелы. Над крышами прошла пара вертолётов.

Картинка рассыпалась на квадраты. Когда восстановилась, на дороге лежали тела, а из-за перевёрнутого автобуса выходила новая группа людей.

Алмейда переключил канал.

Другой ведущий говорил то же самое другими словами: неизвестная инфекция, массовые беспорядки, прекращение сообщения между регионами. Внизу экрана стояло: «До половины населения России могло оказаться в зоне потенциального заражения». Рядом мигала пометка: **ДАННЫЕ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНЫ.**

— Половина населения? — переспросила юрист.

— Это невозможно, — сказал финансист. — Они бы сообщили раньше.

Алмейда выключил звук.

— Наш московский офис не отвечает с шести утра. Подрядчик в Екатеринбурге прислал это сорок минут назад, после чего связь пропала. Страховая компания предупредила о прекращении покрытия перевозок в Восточной Европе. Два человека, которым я доверяю, независимо друг от друга сообщили, что готовится масштабный карантин.

— Где?

— Везде, где появятся подтверждённые случаи.

— В Португалии случаев нет.

— Пока нет.

Алмейда убрал телефон в карман.

— Совещания не будет. Вы сейчас вернётесь в свои отделы и отправите сотрудников домой.

Несколько человек заговорили одновременно.

Он поднял ладонь.

— Без объявлений об эпидемии и конце света. Скажите, что здание закрывается по техническим причинам. Пусть берут ноутбуки, зарядные устройства и необходимые документы. Зарплаты будут выплачены, насколько это останется в наших силах.

— На какой срок закрываемся? — спросила руководитель отдела кадров.

— Не знаю.

— До понедельника?

— Я сказал: не знаю.

Впервые за всё время его голос сорвался.

Он отвернулся, сделал вдох и продолжил спокойнее:

— Я прошу сохранить увиденное в этой комнате хотя бы до тех пор, пока люди не покинут здание. Если по офису пойдёт слух, все одновременно бросятся к выходам, в магазины и на заправки. Нам это не нужно.

— А потом? — спросил Алекс.

Алмейда посмотрел на него.

— Потом каждый решает сам.

Он повернулся к начальнику охраны:

— Карлуш, когда последний сотрудник уйдёт, закрываете вход, парковку и погрузочные ворота. Ставни на первом этаже опустить. Серверную обесточить по инструкции, архив запечатать. Никаких дежурных внутри.

— Есть распоряжение оставить ночную смену.

— Отмените.

— Если начнётся мародёрство...

— Поэтому закройте всё так, чтобы и муха не проскочила. Потом езжайте домой. Это приказ.

Карлуш кивнул.

Люди начали вставать. Кто-то всё ещё смотрел на остановленный кадр: окровавленный мужчина между машинами, вертолёт над крышами, красная строка внизу.

Финансист сказал:

— Через неделю мы будем вспоминать это и смеяться.

— Очень надеюсь, — ответил Алмейда.

Но никто не засмеялся.

Алекс вышел первым.

В коридоре горел обычный свет. За стеклянными перегородками сотрудники разговаривали, печатали, несли чашки с кофе. Из отдела закупок донёсся смех. Мир за дверью переговорной не изменился, и от этого увиденное казалось ещё менее настоящим.

Алекс набрал Анну.

Она ответила после второго гудка.

— Алекс?

На заднем плане звучали голоса и непрерывно звонил телефон.

— Ты в посольстве?

— Да. Где ты?

— В офисе. Нас распускают. Что у вас происходит?

Анна помолчала.

— Нам выделили эвакуационный коридор.

— Кто выделил?

— Российские власти. Норвежцы согласовывают маршрут. Иностранное представительство должны покинуть Москву.

— Когда?

— Сегодня. Может быть, через час. Может, вечером. Никто не говорит точно.

Мимо Алекса прошла секретарь с папкой. Улыбнулась ему. Он отвернулся к окну.

— Я прилечу в Москву.

— Нет.

— Анна...

— Не лети сюда. Аэропорты могут закрыть в любой момент. Некоторые уже закрыты.

— Тогда куда вас повезут?

— В сторону Финляндии или на военный аэродром. У нас три разных маршрута, и все называют правильными.

Кто-то окликнул её. Анна закрыла трубку рукой, ответила, затем вернулась:

— Я говорила с мамой. В Веге всё спокойно. Дети с ней.

Алекс закрыл глаза.

До этой секунды он не позволял себе думать о детях.

— Ты сможешь туда добраться?

— Если выведут в Финляндию — да. Если посадят на самолёт, буду искать путь оттуда.

Но я поеду в Вегу.

— Я возьму машину.

— Из Лиссабона?

— Если самолётов не будет.

— Это через всю Европу.

— Знаю.

— Алекс, ты не понимаешь, что там происходит.

— Ты тоже.

Она замолчала. В трубке что-то ударило, послышался скрежет передвигаемой мебели.

— Хорошо, — сказала Анна. — Тогда договариваемся сейчас. Если связь пропадёт, не жди меня ни в Москве, ни в Финляндии. Не пытайся искать по дороге.

— Ты тоже.

— Всё бросаем. Работа, лишние вещи — всё, что будет мешать.

— И встречаемся у твоей мамы.

— В Веге.

Связь на мгновение пропала. Алекс услышал только сухой цифровой треск.

— Анна?

— Я здесь.

— В Веге.

— Да.

В коридоре начали открываться двери кабинетов. Руководители возвращались к своим отделам, неся с собой новость, которую им запретили сообщать. Пока ещё никто не бежал. Никто не кричал. На улице звонил трамвай, женщина на соседней крыше снимала с верёвки высохшие простыни.

— Я люблю тебя, — сказала Анна.

Алекс прижал телефон к уху.

— Я тоже тебя люблю.

— Увидимся в Веге.

— Увидимся.

Она отключилась.

Алекс ещё несколько секунд держал телефон у лица.

Потом открыл на экране карту Европы и поставил метку на маленьком норвежском городке, которого с такого масштаба почти не было видно.

Вега.

Глава 2. «Посадка»

Первым делом Алекс вернулся за паспортом.

Он лежал не в гостинице, как Алекс почему-то решил во время разговора с Анной, а во внутреннем кармане пиджака, висевшего на спинке рабочего кресла. Алекс проверил фотографию, срок действия и свободные страницы. Потом убрал паспорт обратно и застегнул карман.

Это простое действие немного успокоило его.

В отделе было шесть человек. Двое разговаривали у принтера, остальные сидели за компьютерами. На стене горел экран с графиком поставок. Красные точки обозначали задержки, зелёные — выполненные этапы. Вчера Алекс полчаса объяснял, почему красных стало слишком много. Сейчас весь график казался картой незначительных бедствий.

— У нас техническая эвакуация, — сказал он.

Никто не понял.

— Что? — спросил Жуан.

— Здание закрывают. Нужно разойтись по домам.

— Пожарная тревога?

— Нет.

— Тогда почему техническая?

Алекс вспомнил просьбу Алмейды не разводить панику. За стеклянными перегородками другие руководители уже собирали сотрудников. Кто-то смеялся, кто-то снимал куртку со спинки кресла. Пока происходящее походило на неожиданно подаренный выходной.

— Проблема с системой безопасности, — сказал Алекс. — Берите ноутбуки и зарядные устройства. Завтра работаем из дома.

— Завтра суббота, — заметила Тереза.

— В понедельник.

— А вещи оставлять можно?

— Лучше забрать всё необходимое.

Жуан посмотрел на телефон.

— Это из-за России?

Разговоры прекратились.

— Почему из-за России? — спросил другой сотрудник.

Жуан развернул экран. На нём шло видео без звука: бронетехника на городской улице, люди между машинами, серый дым.

— Мне брат прислал. Говорит, в интернете пишут о вирусе.

Тереза подошла ближе.

— Это старое. Наверное, Сирия.

— Там вывески русские.

Все посмотрели на Алекса. Он вдруг понял, что ложь Алмейды продержалась меньше пяти минут.

— Я не знаю, что там происходит, — сказал он. — Но здание действительно закрывают. Поэтому спокойно собирайтесь и идите домой.

— А вы?

— Я тоже.

Люди начали отключать ноутбуки. Тереза позвонила мужу. Жуан отправил видео ещё кому-то. Один из инженеров достал из нижнего ящика две банки тунца и пакет сухого печенья, хранившиеся там со времени прошлогоднего ночного запуска. Остальные засмеялись. Он пожал плечами и положил еду в рюкзак.

Через несколько минут смеяться перестали.

Из других отделов доносились обрывки разговоров. Кто-то уже произнёс слово «карантин». Женщина из бухгалтерии плакала у лифта, потому что её ребёнок был на школьной экскурсии за городом. Руководитель отдела кадров уверял людей, что закрытие продлится не больше суток, хотя сам торопливо загружал в сумку папки.

Алекс собрал компьютер, блокнот и зарядное устройство. На столе осталась керамическая кружка с надписью на португальском. Её подарили в первый день командировки. Он посмотрел на неё, подумал и оставил.

У лифтов образовалась очередь.

— По лестнице быстрее, — сказал Карлуш Кошта.

Начальник охраны стоял у дверей и считал выходящих. В руках у него был планшет со списком сотрудников.

— Моя машина на нижнем уровне, — сказал Алекс.

— Парковку пока не закрыли. Но выезжайте сразу. Через двадцать минут блокируем ворота.

— У меня нет машины. Я приехал на такси.

Карлуш быстро посмотрел на него.

— Тогда тем более идите. Скоро такси не поймаете.

— Вы верите тому, что нам показали?

— Я верю, когда генеральный директор приказывает закрыть здание среди рабочего дня.

— А роликам?

Карлуш отметил очередную фамилию.

— Ролики ничего не стоят. Приказы стоят дорого.

Поток людей понёс Алекса к лестнице.

На первом этаже охранники открыли обе створки входной двери. Сотрудники выходили небольшими группами и сразу останавливались на тротуаре, чтобы проверить телефоны. Из-за этого снаружи образовалась пробка. Карлуш спустился и начал отправлять всех дальше.

— Не стойте у здания. Идите домой.

У служебного въезда уже опускалась металлическая решётка. Двое охранников занесли внутрь переносные заграждения. На окнах первого этажа медленно сходились защитные ставни.

Люди на улице снимали происходящее.

Алекс заказал такси. Приложение показало ожидание семь минут, затем двенадцать, потом снова семь. Значок машины несколько раз повернулся на соседнем перекрёстке и исчез.

Он попробовал другую службу. Цена поездки до гостиницы выросла в три раза.

Алекс подтвердил заказ.

* * *

По дороге ничего не происходило.

Это раздражало сильнее, чем если бы город уже охватила паника.

Светофоры переключались. Туристы фотографировали жёлтый трамвай. Перед рестораном мужчина мелом писал на доске меню дня. На смотровой площадке стояли экскурсионные автобусы.

Только телефоны были у всех в руках.

Водитель такси слушал радио. Диктор говорил быстро, и Алекс понимал отдельные слова: Китай, Россия, ограничения, неподтверждённые сведения. Потом началась реклама мебельного магазина.

— В аэропорт потом поедете? — спросил водитель по-английски.

— Да.

— Плохая идея.

— Почему?

— Там забастовка.

— Какая забастовка?

— Не знаю. Все едут туда, никто не улетает. Значит, забастовка.

Он сказал это с уверенностью человека, нашедшего простое объяснение.

Возле аптеки стояла очередь человек в тридцать. Водитель указал на неё:

— Видите? Китайцы всё скупают.

В очереди не было ни одного человека азиатской внешности.

— Почему китайцы?

— В новостях Китай.

Алекс не стал спорить.

Гостиница продолжала работать. В холле пахло кофе и полиролью. За стойкой регистрации администратор разговаривала сразу по двум телефонам. Несколько постояльцев требовали вернуть деньги за отменённые экскурсии.

— Вы выезжаете раньше? — спросила администратор, когда подошла очередь Алекса.

— Да.

— К сожалению, неиспользованные ночи не возвращаются без официального объявления чрезвычайной ситуации.

— Мне всё равно.

Она впервые подняла на него глаза.

— Простите?

— Просто оформите выезд.

В номере Алекс разложил вещи на кровати.

До сегодняшнего дня их было немного: два костюма, рубашки, сменное бельё, обувь, папка с рабочими бумагами, электрическая бритва и маленький пакет подарков детям. Он собирался уместить всё в ручную кладь.

Теперь пришлось выбирать заново.

Костюмы остались в шкафу. Рабочие бумаги — на столе. Бритву Алекс бросил в чемодан, затем вынул. Положил две рубашки, свитер, носки, бельё, аптечку, дождевик и удобные ботинки. Подарки детям заняли слишком много места. Он распечатал коробки и оставил упаковку.

Ноутбук положил сверху. Паспорт проверил ещё раз.

Анна не отвечала.

На экране появлялись уведомления от коллег, новостных приложений и корпоративной почты. Компания официально сообщала о временном закрытии лиссабонского офиса из-за технических причин. Через минуту пришло второе письмо с темой «Уточнение»: сотрудникам предлагалось оставаться дома и следить за рекомендациями местных властей.

Алекс открыл сайт авиакомпании.

Прямых рейсов в Осло не было. Система предлагала Франкфурт, Амстердам, Париж и Копенгаген. Возле каждого варианта стояла зелёная цена. При попытке оплаты страница возвращала его к выбору даты.

Он позвонил в корпоративное агентство. Автомат сообщил, что время ожидания превышает сорок минут.

Пока играла музыка, Алекс оделся, застегнул сумку и спустился вниз. Музыка продолжалась в лифте, холле и на улице. Через двадцать семь минут связь оборвалась.

Такси до аэропорта стоило уже в восемь раз дороже обычного.

Свободных машин не было.

Алекс пошёл к метро.

* * *

В вагоне люди сидели плотно, но не разговаривали. Каждый смотрел в свой экран. Над дверями мигала схема линии. Голос объявлял станции с прежней спокойной интонацией.

На станции «Аламеда» вошла женщина с четырьмя упаковками питьевой воды. Пассажиры помогли ей поставить их на пол. На следующей станции мужчина в медицинской маске закашлялся, и люди вокруг одновременно отодвинулись.

Мужчина заметил это.

— Аллергия, — сказал он по-португальски.

Никто не ответил.

В аэропорту Алекс сначала увидел чемоданы.

Они стояли вдоль стен, между сиденьями, возле колонн и прямо посреди проходов. Люди сидели на них, спали, кормили детей. Очереди начинались в одном конце зала и терялись в другом. У каждого информационного табло образовалась отдельная толпа.

Само табло выглядело почти нормально. Большинство рейсов значилось задержанными. Несколько отменили. Возле рейса во Франкфурт по-прежнему стояло время вылета — 16:40.

До него оставалось два часа.

Алекс нашёл стойку авиакомпании. Очередь двигалась медленно. Люди впереди по очереди задавали сотруднице одни и те же вопросы. Она отвечала, что воздушное пространство открыто, рейсы выполняются по возможности, гарантировать стыковки невозможно.

Когда подошла очередь Алекса, сотрудница выглядела так, будто разговаривала уже несколько суток.

— Мне нужно попасть в Норвегию.

— Прямых рейсов сегодня нет.

— Через Франкфурт.

Она посмотрела в компьютер.

— Есть место до Франкфурта. Дальнейший сегмент до Осло не подтверждён.

— Когда следующий?

— Система не показывает.

— Тогда только Франкфурт.

— Багаж сдаёте?

Алекс посмотрел на сумку.

— Нет.

Сотрудница напечатала посадочный талон. Обыкновенный лист плотной бумаги с его фамилией, номером места и штрихкодом.

— Выход двадцать восемь. Посадка через час. Но следите за табло.

— Самолёт точно полетит?

Она протянула ему талон.

— У вас есть билет.

Это не было ответом, но Алекс почувствовал облегчение.

Он прошёл досмотр. Охранники работали медленно и тщательно, словно ничего не изменилось. Заставили вынуть ноутбук, снять ремень и выбросить бутылку воды. За линией контроля магазин продавал такие же бутылки в пять раз дороже.

Алекс купил две.

В книжном магазине люди разбирали зарядные устройства, батарейки и дорожные подушки. Возле кассы стояла вращающаяся стойка с картами. Алекс уже прошёл мимо, затем вернулся.

На верхней полке лежал большой автомобильный атлас Европы. Тяжёлый, неудобный, с ярко-жёлтой обложкой. Он открыл его на карте Пиренейского полуострова. Лиссабон был отмечен красным кругом. Норвегия находилась почти у самого края другой страницы.

— Этим ещё кто-то пользуется? — спросил мужчина в очереди.

Алекс закрыл атлас.
— Теперь пользуется.

Он заплатил наличными. Кассир вложила чек между страницами.

У выхода двадцать восемь стоял самолёт. Вид его подействовал лучше любых обещаний.

Трап был подан, возле багажного люка двигались рабочие. Пилот находился в кабине.

Люди у окон фотографировали машину, будто она уже спасла их.

Посадку объявили с опозданием в двадцать минут. Сначала пригласили пассажиров с детьми, затем бизнес-класс, потом всех остальных. Очередь мгновенно потеряла порядок. Люди прижимались друг к другу, показывали посадочные талоны поверх голов.

Алекс оказался в салоне в 17:18.

Его место было у прохода. У окна сидела пожилая немка, между ними — молодой португалец с рюкзаком. Немка сразу сообщила, что летит к дочери в Кёльн и не верит ни одному слову из новостей. Португалец сказал, что учится во Франкфурте и университет велел студентам не приезжать.

— Тогда зачем летите? — спросила немка.

— Потому что здесь мне тоже велели не оставаться.

Самолёт заполнился. Двери закрыли. Стюардессы проверили багажные полки и показали ремни безопасности. Двигатели запустились.

Алекс написал Анне: «Лечу во Франкфурт. Дальше на север». Сообщение ушло, но осталось без отметки о прочтении.

Самолёт отъехал от терминала.

Кто-то в салоне захлопал. Хлопки быстро прекратились.

Они проехали несколько сотен метров и остановились. За окном в ряд стояли ещё четыре самолёта. Вдали по рулётной дорожке двигались пожарные машины.

Прошло двадцать минут.

Командир сообщил, что вылет задерживается из-за ограничений воздушного движения.

Прошёл час.

Стюардессы раздали воду. Двигатели продолжали работать. В салоне становилось жарко.

Немка позвонила дочери и громко объяснила, что уже почти в воздухе. Португалец открыл на телефоне карту рейсов. Над Европой двигались сотни маленьких значков, но многие самолёты разворачивались, не достигая пунктов назначения.

— Смотрите, — сказал он Алексу. — Этот летел в Варшаву и возвращается. Этот тоже.

— Приложение может ошибаться.

— Может.

Он продолжал смотреть.

Через два часа двигатели выключили.

Салон отреагировал сразу. Люди встали, хотя табло ремней продолжало гореть. Стюардессы требовали сесть.

Командир заговорил только через несколько минут.

Франкфурт временно прекратил принимать международные рейсы. Авиакомпания запрашивала разрешение на посадку в Люксембурге, Брюсселе или Париже. Топлива было достаточно. Пассажирам предлагали сохранять спокойствие.

— А если там тоже не примут? — крикнул кто-то.

Динамик не ответил.

За окном к самолёту подъехала машина сопровождения. Почти одновременно у дальнего терминала появился автобус, окружённый полицейскими автомобилями. Из прибывшего самолёта никого не выпускали. Работники в защитных костюмах поднимались по трапу.

Португалец снял происходящее на телефон.

— Не надо, — сказала немка.

— Почему?

— Потому что люди увидят и испугаются.

— Мы уже видим.

В 21:06 самолёт отбуксировали обратно к терминалу.

Пассажиры не хотели выходить. Некоторые утверждали, что после высадки их билет аннулируют. Мужчина из первого ряда требовал разговора с капитаном. Женщина с ребёнком плакала и просила лететь куда угодно.

Стюардесса повторяла:

— Полёт не отменён. Это временная высадка.

Алекс посмотрел на погасшие экраны над креслами и понял, что она сама в это не верит.

В терминале им выдали бумажные талоны на питание. Все кафе уже закрылись. У единственного автомата с едой не работала оплата картой.

На табло рейс во Франкфурт всё ещё значился задержанным.

Алекс подошёл к окну. Самолёт стоял у телетрапа, тёмный и пустой. Из кабины выходили пилоты. Один нёс чемодан.

Посадочный талон Алекс вложил в атлас на странице с Германией.

* * *

К полуночи аэропорт перестал быть местом, откуда улетают.

Он превратился в помещение, где люди ждали объяснений.

Алекс позвонил Анне семь раз. Сеть принимала вызов, но соединения не было. Потом пришло её короткое сообщение:

«Выезжаем. Береги заряд. Вега».

Он перечитал его и выключил телефон.

На нижнем этаже ещё работали стойки проката автомобилей. Перед ними стояли очереди. Алекс обошёл четыре компании. В первой закончились машины. Во второй сотрудник соглашался выдать автомобиль только с возвратом в Португалии. В третьей система не принимала иностранную карту. У четвёртой за стеклом никого не было, хотя свет горел и на стойке лежали ключи.

Двое мужчин спорили, можно ли разбить стекло.

Алекс ушёл до того, как они решили.

Станция метро закрылась. Такси возле терминала не было. Люди выходили на проезжую часть и останавливали редкие машины руками.

На информационной стойке Алекс спросил, как добраться до Испании.

Женщина выслушала его, словно вопрос относился к другой эпохе.

— С вокзала «Ориенте» ходят автобусы.

— Сейчас?

— По расписанию — да.

— А на самом деле?

Она пожала плечами.

До вокзала «Ориенте» Алекс добрался на служебном автобусе аэропорта. Водитель согласился взять пассажиров после того, как несколько человек перегородили ему дорогу. Денег он не потребовал.

Автобус шёл по почти пустым улицам. Магазины были закрыты. Возле круглосуточного супермаркета стояла толпа. Полицейская машина медленно двигалась вдоль очереди, освещая людей синими вспышками.

На вокзале пахло мокрым бетоном и выхлопными газами. Электронное табло показывало десятки отменённых рейсов. В самом низу оставалась одна строка:

«МАДРИД — 02:10 — ПЛАТФОРМА 7»

У кассы сидел пожилой мужчина.

— Автобус будет? — спросил Алекс.

— Продажа открыта.

— Это не то же самое.

— Другого ответа нет.

Алекс купил билет.

До отправления оставалось сорок минут. Он сел на металлическую скамью, достал атлас и раскрыл его на коленях.

От Лиссабона до Веги было больше трёх тысяч километров по прямой и гораздо больше по дорогам. Между ними лежали страны, города, горы, проливы и границы, которые ещё утром казались формальностью.

Алекс провёл пальцем от Португалии к северу.

На седьмой платформе пока не было автобуса.

Глава 3. «Список»

После разговора с Алексом Анна записала слово «Вега» на обороте служебного пропуска. Она сделала это машинально, хотя прекрасно помнила название. Потом посмотрела на синюю надпись, перевернула карточку фотографией вверх и повесила на шею.

В коридоре посольства пахло горячей бумагой.

Уничтожители работали сразу в трёх кабинетах. Сотрудники снимали документы с полок, отделяли листы со скрепками и опускали их в узкие прорези. Машины гудели, перегревались и останавливались. Полоски бумаги высыпались из переполненных контейнеров на пол.

Возле лестницы стояли серые дипломатические мешки. На каждом была бирка с номером и фамилией ответственного сотрудника. Рядом лежали коробки с компьютерными дисками, запасными телефонами и аптечками.

По всему зданию звонили аппараты.

Анна вернулась в консульский отдел. На её столе находились три списка.

Первый прислало норвежское министерство. В нём было шестьдесят восемь фамилий.

Второй составили утром сотрудники посольства. В нём было восемьдесят четыре.

Третий Анна вела от руки. В нём уже насчитывалось девяносто семь человек, и телефон продолжал звонить.

Она сняла трубку.

— Посольство Норвегии, слушаю вас.

Мужчина говорил по-русски быстро и громко. Его жена была гражданкой Норвегии, сам он — нет. Они находились в Химках с двумя детьми. У одного ребёнка был норвежский паспорт, у второго российский. Мужчина хотел знать, возьмут ли их всех.

— Вы зарегистрировались утром?

— Нам никто не сказал, что нужно регистрироваться. Мы дозвонились только сейчас.

— Назовите фамилии.

Анна записала четыре имени на полях.

— Куда нам ехать?

— Пока оставайтесь дома.

— Но автобусы уже у вас?

Она посмотрела в окно. Сквозь жалюзи было видно два тёмно-синих автобуса во внутреннем дворе.

— Маршрут ещё согласовывается.

— То есть автобусы есть.

— Я не могу пригласить вас к зданию без подтверждения.

— У моей жены норвежский паспорт.

— Понимаю.

— Нет, вы не понимаете. На Ленинградском шоссе блокпосты. Если мы сейчас не выедем, потом нас не выпустят.

За дверью кто-то позвал Анну.

— Я внесла ваши данные. Как только появится информация, мы свяжемся.

— Когда?

— Не знаю.

Она положила трубку прежде, чем мужчина успел ответить.

В дверях стоял Эрик Лунд, руководитель службы безопасности. Ему было пятьдесят два, и последние десять лет он выглядел одинаково: короткая седая борода, прямые плечи, костюм, который нигде не мялся. Сейчас пиджак был расстёгнут, а на белой рубашке под мышками выступили тёмные пятна.

- Через сорок минут закрываем телефонную линию, — сказал он.
- Мы ещё не связались со всеми.
- Уже не свяжемся.
- У меня девяносто семь человек.
- Мест восемьдесят восемь.
- Было девяносто шесть.
- Один автобус забирает шведов. Нам оставляют два по сорок четыре.

Анна отложила ручку.

- В министерском списке только шестьдесят восемь.
- Он утверждён.
- В нём нет семей местных сотрудников.
- Местные сотрудники не входят в эвакуационный контингент.
- А их дети?
- Если у детей есть норвежское гражданство, входят.
- Без родителей?

Эрик потёр переносицу.

- Я не составлял правила.
- Но выполнять их предлагаете мне.
- Поэтому я и пришёл.

Он положил перед ней новый лист. В верхней части стояли герб, номер документа и время — 16:05. Ниже находилась таблица с четырьмя категориями.

Первыми шли дипломатические сотрудники и члены их семей. Затем граждане Норвегии, находящиеся в служебной командировке. Потом зарегистрированные граждане с несовершеннолетними детьми. Последними — остальные лица по решению руководителя миссии.

- «Остальные лица», — прочитала Анна. — Очень удобно.
- Это четыре места.
- У нас двадцать девять человек за пределами первых трёх категорий.
- Значит, выбираем четверых.
- По какому принципу?
- По тому, который сможем объяснить потом.

Анна посмотрела на него.

- Вы правда думаете, что будет потом?

Эрик задержал взгляд на списках.

- Именно поэтому всё ещё занимаюсь бумагами.

Он вышел.

Телефон зазвонил снова.

Анна не взяла трубку.

* * *

Во внутреннем дворе проверяли автобусы.

Водители открыли багажные отсеки. Сотрудники службы безопасности складывали туда воду, медицинские наборы и серые мешки. Чемоданы пассажиров выстроили вдоль стены. На каждого разрешалась одна сумка, которую можно было поднять одной рукой.

Заместитель посла пытался доказать, что два его чемодана считаются одним комплектом. Эрик молча вынул из багажного отсека второй и поставил на землю.

- Там документы.
- Служебные документы едут в опечатанных мешках.
- Это личные.
- Тогда выберите самые личные.

Возле ворот становилось шумно. За металлическими створками собрались люди. Сначала их было около десяти, потом больше тридцати. Они звонили в домофон, показывали охране паспорта, пытались передавать бумаги через прутья ограждения.

Кто-то уже сообщил адрес и время эвакуации.

Анна стояла у входа с планшетом и сверяла прибывавших. Людей пропускали по одному. Внутри проверяли документы, выдавали цветную карточку и отправляли ждать в зал приёмов.

— Халворсен, Ева, — сказала женщина перед ней. — И дочь Нора.

Анна нашла обе фамилии.

Ева работала журналисткой норвежского издания. Последние два года жила в Москве. Она была в длинном светлом пальто и держала одной рукой чемодан, другой — восьмилетнюю девочку.

— Отец ребёнка с вами? — спросила Анна.

— Он в Норвегии.

— Документы Норы?

Ева достала два паспорта и свидетельство о рождении. Бумаги лежали в прозрачной папке, аккуратно распределённые по отделениям.

— Куда нас повезут?

— Пока не сообщают.

— Финляндия?

— Возможно.

— Аэропорт?

— Возможно.

Ева коротко рассмеялась.

— Очень дипломатично.

Анна вернула документы.

— Одна сумка на человека. Воду и еду получите в автобусе.

Нора смотрела не на Анну, а на ворота. Оттуда доносились крики.

— Они тоже поедут? — спросила девочка.

— Кто?

— Люди снаружи.

Анна не успела ответить. Охранник открыл внутреннюю дверь и пропустил следующую семью.

Мужчина предъявил норвежский паспорт. У его жены был российский. У пожилой женщины, державшейся за локоть жены, тоже.

— Ларс Хенриксен, — сказал мужчина. — Оксана Хенриксен. И Людмила Соколова, её мать.

В списке находились только Ларс и Оксана.

— На вашу мать подтверждения нет, — сказала Анна.

Оксана будто не поняла.

— Она зарегистрирована. Мы звонили вчера.

— Здесь её фамилии нет.

— Ей семьдесят четыре. Она не может остаться одна.

Ларс положил ладонь на стол.

— Внесите её.

— Я не могу.

— Почему?

Анна посмотрела на Эрика. Он стоял в нескольких шагах и слышал разговор.

— В автобусах ограничено количество мест.

— Я заплачу.

- Дело не в деньгах.
- Всё всегда в деньгах.
- Сейчас нет.

За воротами кто-то начал стучать металлическим предметом. Охранники оглянулись.

Людмила Соколова держала в руках маленькую хозяйственную сумку. Из неё торчал вязальный свитер. Пожилая женщина не просила и не спорила. Она уже поняла всё раньше дочери.

- Я останусь, — сказала она.
- Нет, мама.
- У меня квартира. Запасы есть.
- Какие запасы?
- Крупа.
- Ты не можешь одна.

Ларс повернулся к Анне:

- Мы все едем или никто.
- Ларс, — тихо сказала Оксана.
- Никто.

Анна видела, как за ними ждут другие люди. Время уходило. Она могла позвать охрану, могла повторить правила, могла предложить Оксане выбирать между мужем и матерью.

Вместо этого она взяла ручку.

— Людмила Соколова, дата рождения?

Эрик шагнул ближе.

— Анна.

Она не подняла головы.

— Дата рождения?

Пожилая женщина назвала.

Анна вписала её в графу «зависимый член семьи». Формально категория относилась к несовершеннолетним и людям, нуждавшимся в постоянной медицинской помощи. Ни один пункт не уточнял, кем именно должна подтверждаться необходимость помощи.

— Проходите в зал, — сказала Анна.

Ларс забрал документы. Не поблагодарил.

Эрик подождал, пока семья отойдёт.

— Если так сделаете ещё девять раз, автобус станет двухэтажным.

— Я сделала один раз.

— Теперь откажите следующему.

— Откажу.

— Сможете?

Анна посмотрела на людей за воротами.

— Нет.

— Тогда я встану здесь вместо вас.

— А кто составит окончательный список?

— Тот, кто умеет считать до восьмидесяти восьми.

Он забрал планшет и занял её место.

Анна вернулась в здание.

* * *

В зале приёмов сняли все стулья от стен и поставили рядами. На них сидели семьи с сумками. Дети заряжали телефоны от одной длинной колодки. Кто-то раздавал бумажные стаканы с водой.

На экране телевизора шли обычные новости. Ведущая рассказывала об ограничениях движения на Дальнем Востоке. За её спиной показывали пустую трассу и людей в форме. Слово «вирус» не звучало.

В нижней части экрана появилась строка: жителям Москвы рекомендовано воздержаться от необязательных поездок.

Люди в зале начали звонить родственникам.

Анна прошла в свой кабинет и закрыла дверь.

На телефоне было сообщение от матери:

«Дети рядом. У нас спокойно. Не переживай».

Анна набрала видеозвонок. Изображение появилось не сразу. Сначала экран был чёрным, потом возникла кухня в Веге. За окном стекло серело от мелкого дождя. Мать держала телефон слишком близко, поэтому Анна видела только её лоб и один глаз.

— Мам, отодвинь немного.

— Так?

— Да. Где дети?

— Собирают дрова с соседями. Не хотела их пугать.

— Правильно.

— Что у вас?

Анна посмотрела на закрытую дверь.

— Нас вывозят.

— Куда?

— Не знаю. Возможно, в Финляндию.

— Тогда приезжай сюда.

— Постараюсь.

Мать замолчала.

— Только не геройствуй, Аня.

— Я не геройствую.

— Ты всегда так говоришь перед тем, как начать.

Связь застыла. Лицо матери рассыпалось на крупные квадраты. Через несколько секунд звонок прекратился.

Анна не стала перезванивать. Она открыла шкаф и достала приготовленный рюкзак.

В нём лежали два паспорта — российский и норвежский, дипломатическое удостоверение, папка с копиями документов детей, тёплая одежда, аптечка, фонарь, зарядное устройство, две бутылки воды, шоколад и упаковка сухого печенья.

Анна добавила бумажный блокнот, ручки и маленькую фотографию, стоявшую на столе. На ней они с Алексом и детьми сидели у воды в Веге. Алекс щурился от солнца, а младший ребёнок держал перед лицом найденное птичье перо.

Рабочий ноутбук не поместился. Анна вынула его из чехла, удалила личные файлы и оставила на столе.

На экране компьютера всё ещё был открыт список.

Девяносто восемь фамилий.

Восемьдесят восемь мест.

Она начала проверять его снова.

Двое сообщили, что не успеют приехать. Одна семья решила добираться самостоятельно. Трое находились за пределами Москвы. Ещё один человек не отвечал с утра.

Оставалось девяносто два.

Анна перенесла в конец списка четверых сотрудников, которые жили в Москве постоянно и имели российское гражданство. Среди них была она сама.

Получилось восемьдесят восемь.

Она распечатала три экземпляра.

Принтер выплюнул первые два и зажевал третий на середине страницы. Анна открыла крышку, вытащила смятый лист и разгладила его ладонью. Последние фамилии оказались размазаны.

Свою она всё ещё могла прочитать.

* * *

В 17:42 позвонили из российского оперативного штаба.

Коридор открывался в 18:30. Колонна должна была покинуть посольство не позднее 18:37. Опоздавших ждать запрещалось. Маршрут сообщали водителям после выезда.

— Конечная точка? — спросила Анна.

— Будет доведена отдельно.

— Нам нужно предупредить принимающую сторону.

— Принимающая сторона уведомлена.

— Какая сторона?

Мужчина на линии устало выдохнул.

— Если хотите выехать, соблюдайте инструкции.

Он отключился.

В 18:10 закрыли ворота. Снаружи оставалось около пятидесяти человек. Некоторые стояли с детьми. Другие держали над головой паспорта. Полицейские у перекрёстка не разгоняли их, но и не позволяли перекрыть улицу.

Внутри начали посадку.

Эрик называл фамилии. Люди проходили к автобусам, показывали карточки и занимали места. Сумки загружали отдельно. Водители не разрешали вставать после посадки.

Анна стояла у дверей второго автобуса и отмечала пассажиров.

Людмила Соколова вошла под номером семьдесят три. Эрик увидел фамилию, но ничего не сказал.

К 18:25 в автобусах находились восемьдесят пять человек.

Трое отсутствовали.

Один из них был пресс-атташе. Он позвонил и сообщил, что стоит в пробке в двух кварталах. Посол приказал ждать.

— Коридор семь минут, — напомнил Эрик.

— Он дипломатический сотрудник.

— Вирусу покажем удостоверение.

В 18:29 у ворот появился мужчина с портфелем. Толпа расступилась, узнав сотрудника посольства. Пресс-атташе пробрался к входу. За ним к воротам хлынули остальные.

Полицейские начали оттеснять людей.

Кто-то бросил в автобус пластиковую бутылку. Она ударилась о стекло и упала под колёса.

Ворота открыли ровно настолько, чтобы выпустить первую машину сопровождения. Люди снаружи закричали. Женщина прижала к стеклу паспорт и бежала рядом с автобусом. Мужчина в тёмной куртке ухватился за зеркало, но охранник оттолкнул его.

Анна сидела у окна и видела лица на расстоянии ладони.

Никто из них не выглядел заражённым. Никто не нападал. Они просто хотели оказаться внутри.

Автобус медленно прошёл через ворота.

Женщина с паспортом отстала первой. Потом мужчина. Люди ещё некоторое время бежали следом, пока полицейские машины не встали поперёк улицы.

В салоне никто не разговаривал.

Анна держала на коленях список.

В нём было восемьдесят шесть отмеченных фамилий. Два места остались свободными. Она не знала об этом, пока ворота не закрылись за вторым автобусом.

* * *

Колонна двигалась по Москве со скоростью двадцать километров в час.

Впереди шёл полицейский автомобиль с синими маяками. За ним — машина посольской охраны, два автобуса и микроавтобус с дипломатическими мешками. Замыкал колонну броневый автомобиль.

Город выглядел почти обычным. Светились вывески, работали рестораны, люди выходили из метро. Но на каждом крупном перекрёстке стояли машины полиции. Возле заправок выстроились очереди. На выездах из дворов жители загружали в автомобили сумки, воду и продукты.

Первый блокпост находился перед развязкой. Военные проверили номера машин и пропустили колонну без остановки.

У второго их задержали.

Офицер вошёл в автобус. На нём была медицинская маска и прозрачный щиток. Он потребовал список пассажиров.

Анна протянула первый экземпляр.

— Количество?

— Восемьдесят шесть человек в двух автобусах.

— В заявке восемьдесят восемь.

— Двое не прибыли.

Офицер начал считать пассажиров. Люди сидели неподвижно. Нора спала, положив голову матери на колени.

На середине салона ребёнок в соседнем ряду внезапно закашлялся.

Офицер остановился.

Мальчик кашлянул ещё раз, затем его вырвало на пол.

Люди вскочили. Кто-то закричал, чтобы открыли двери. Женщина возле прохода полезла через соседнее кресло. Мать мальчика прижимала его к себе и повторяла, что его укачало.

Офицер отступил к выходу.

— Всем сидеть!

Никто не слушал.

Анна подошла к ребёнку. Мать попыталась заслонить его.

— Я должна измерить температуру.

— У него нет вируса.

— Тогда покажем это всем.

Она достала из аптечки бесконтактный термометр. Направила на лоб мальчика.

Тридцать шесть и четыре.

Проверила ещё раз.

Тридцать шесть и пять.

— Температуры нет, — громко сказала Анна. — Его укачало.

— У заражённых бывает без температуры, — произнёс мужчина с заднего ряда.

По салону прошёл новый шёпот.

Анна повернулась к нему.

— У вас есть медицинское образование?

— Это говорили в интернете.

— Тогда сядьте и читайте интернет молча.

Офицер снова посмотрел на ребёнка. Потом на список.

По радиации у него заговорили быстро и неразборчиво. Он ответил, вышел и махнул водителю.

Шлагбаум поднялся.

Автобус тронулся прежде, чем Анна вернулась на место.

Через десять минут водитель получил новое указание и свернул с дороги, ведущей к аэропорту.

— Куда мы едем? — спросил Эрик.

Водитель не ответил.

— У вас есть маршрут?

— Теперь есть.

— Какой?

— Север.

За окном появлялось всё меньше домов. Встречная полоса была пустой. На выезде из города стояла длинная очередь машин, которую удерживали военные.

Анна достала телефон. Связь то появлялась, то пропадала. Сообщение Алексу всё ещё не было доставлено.

Она сократила его до трёх слов:

«Выезжаем. Береги заряд. Вега».

Нажала «Отправить».

Через несколько секунд рядом появилась маленькая отметка.

Сообщение ушло.

Глава 4. «Платформа семь»

Платформа семь находилась внизу, под бетонным навесом, где свет был слишком белым и оттого всё казалось не ночным, а больничным.

Алекс спустился туда одним из первых.

В руках у него был билет до Мадрида, купленный за двадцать семь минут до закрытия кассы. В кармане лежал паспорт. На плече висела сумка, ставшая тяжелее не от вещей, а от мысли, что теперь именно она была всем его домом.

На табло над платформой горела строка:

«МАДРИД — 02:10 — ПЛАТФОРМА 7»

Буквы светились ровно, уверенно, будто станция ничего не знала о людях, которые смотрели на них снизу. Вокруг уже собралось человек сорок. Кто-то стоял молча, кто-то сидел на чемоданах, кто-то бесконечно обновлял телефон, поднимая его над головой, словно связь можно было поймать руками.

Автобуса не было.

В два часа одиннадцать минут табло не изменилось.

В два часа четырнадцать минут рядом с Алексом пожилой мужчина в коричневом плаще сказал:

— Если не изменилось, значит, рейс есть.

Никто ему не ответил.

В два часа семнадцать минут по платформе прошёл сотрудник вокзала в жилете. Люди сразу двинулись к нему, но он поднял ладони, ещё не успев открыть рот.

— Автобус задерживается.

— Насколько?

— Ожидайте.

— Он вообще придёт?

— Ожидайте.

— У меня билет до Мадрида!

Сотрудник посмотрел на мужчину с билетом так, будто это слово уже не имело того веса, к которому все привыкли.

— У многих билет.

Он попытался пройти дальше, но его остановила женщина с детским рюкзаком на груди. Ребёнка при ней не было; рюкзак был набит документами, водой и какими-то завернутыми в фольгу бутербродами.

— Скажите честно, Испания принимает?

Сотрудник оглянулся на стеклянные стены станции. Там наверху двигались люди, бегали охранники, мерцали экраны.

— Я не Испания.

Этого оказалось достаточно, чтобы толпа загудела.

Алекс стоял чуть в стороне и смотрел на своё имя в билете. Бумага была тонкая, с термопечатью. На ней были дата, время, место, направление, номер рейса. Всё выглядело так, как выглядела цивилизация: аккуратно, проверяемо, с маленьким штрихкодом в углу.

Но автобуса не было.

И никто, кажется, не мог сказать, был ли ещё рейс реальностью или только записью в системе, которую забыли выключить.

Минут через десять очередь начала строить себя сама.

Сначала просто потому, что людям нужно было во что-то верить.

— У кого билеты — справа, без билетов — слева! — крикнул широкоплечий мужчина с кожаной папкой.

— А кто с детьми?

— Дети отдельно!

— Какие отдельно? Здесь не самолёт!

— У меня бронь!

— Бронь — это не билет!

Кто-то достал ручку и начал писать номера на тыльной стороне ладони. Люди сами протягивали руки. Первый, второй, третий. Через пять минут оказалось, что есть две очереди, три списка и четыре человека, уверенные, что именно их порядок правильный.

Алекс не стал записываться ни в один. Он просто встал у колонны, откуда было видно въезд на платформу.

Рядом с ним остановилась женщина лет сорока в серой куртке. У неё была маленькая сумка через плечо и медицинская маска, спущенная на подбородок. В руках она держала пластиковую папку с документами.

— Вы тоже до Мадрида? — спросила она по-английски, потом сама поморщилась, будто поймала себя на ненужной привычке, и повторила по-португальски.

Алекс ответил на том же языке неуверенно, но достаточно понятно:

— Через Мадрид. Дальше на север.

— Все теперь едут «через», — сказала она. — Раньше люди ехали куда-то. Теперь только через.

Она представилась Жоаной Рейш. Медсестра. Работала в частной клинике недалеко от площади Испании. Ехала к отцу в Вальядолид. Отец сломал шейку бедра три недели назад, и тогда это казалось большой бедой.

— Теперь он просто человек, который не может уйти из квартиры, — сказала Жоана. — Это намного хуже.

Алекс кивнул. Он хотел сказать что-нибудь вежливое, но не нашёл слов.

Телефон завибрировал.

Он выхватил его слишком резко.

Сообщение было от Анны:

«Выезжаем. Береги заряд. Вега».

Три слова, пришедшие из другого города, из другой страны и будто из другой жизни.

Алекс сразу начал набирать ответ.

«Я выезжаю из Лиссабона. Буду двигаться через Испанию, Францию, Германию. Доберусь. Береги себя. Скажи детям...»

Связь пропала.

Сообщение не отправилось.

Он сократил его.

«Я выезжаю. Люблю. Вега».

Кружок рядом с текстом вращался и вращался, не становясь отметкой.

Алекс выключил экран, чтобы не смотреть на это.

В два часа сорок три минуты на платформу въехал автобус.

Он был белый, старый, без фирменной окраски. На лобовом стекле, изнутри, скотчем была приклеена бумага с жирной надписью:

«МАДРИД»

Толпа двинулась к нему ещё до того, как автобус остановился.

Дверь открылась. На ступенях появился водитель — сухой мужчина лет шестидесяти с седыми висками и лицом, которое давно привыкло не выражать ничего лишнего.

— Назад! — крикнул он. — Все назад, иначе я закрываю дверь и уезжаю пустым.

Люди отступили не сразу.

Водитель спустился на платформу, достал из кармана список и поднял его над головой.

— Меня зовут Мануэл Соуза. Я водитель. Не диспетчер, не министр, не святой. У меня сорок девять мест. Стоя никого не повезу. Багаж только в нижний отсек, не больше одной сумки на человека. До Мадрида я не обещаю. До границы — если дорога даст. До Бадахоса — если пустят. Дальше — как получится.

— У нас билеты до Мадрида! — закричал кто-то.

Мануэл посмотрел в сторону голоса.

— У меня автобус до дороги.

— Это мошенничество!

— Жалуйтесь утром.

— Кому?

— Вот именно.

На секунду стало тихо.

Потом все заговорили сразу.

Мануэл не спорил. Он сел на нижнюю ступеньку, надел очки и начал проверять билеты один за другим. Не сканером — глазами. Штрихкоды больше никого не интересовали. Он смотрел имя, дату, направление, потом сверял паспорт.

— Следующий.

Бумажные права возвращались в мир через руки усталого водителя.

Оказалось, что билетов продали шестьдесят один.

Мануэл сказал это на весь зал.

— Кто продал?

— Система.

— Пусть система едет на крыше, — сказал водитель.

Эта фраза вызвала нервный смех, но смех быстро закончился.

Теперь у каждого в руке была бумага, доказывавшая, что он должен быть внутри. И мест, доказывавших то же самое, было на двенадцать меньше.

Люди начали считать детей, стариков, болезни, расстояния до дома. Мужчина с кожаной папкой предложил оставить тех, кто купил билеты позже. Женщина с детским рюкзаком сказала, что время покупки не имеет значения, если у человека семья. Пожилой мужчина в плаще повторял:

— Если рейс есть, обязаны посадить.

Он произносил это всё тише.

Алекс подошёл к двери, когда назвали его фамилию. Мануэл посмотрел паспорт, билет, потом на Алекса.

— Один?

— Один.

— Багаж?

— Один рюкзак.

— Проходите.

Алекс поднялся на ступеньку и вдруг почувствовал на себе взгляды тех, кто ещё стоял снаружи.

Он мог бы сказать: возьмите кого-то другого. Мог бы выйти из очереди. Мог бы сделать красивый жест, который потом сам бы себе простил.

Но у него была Анна. Были дети. Была Вега, написанная в телефоне, в голове, на карте и теперь уже где-то под кожей.

Он прошёл в салон.

Место у окна, десятый ряд.

Он сел, положил сумку на колени и не стал смотреть наружу.
Но всё равно слышал.

— У меня мать в Мадриде!

— У всех кто-то где-то!

— Я заплатил!

— Мы все заплатили!

— Не трогайте меня!

Что-то ударилось о бок автобуса. Мануэл вышел из-за руля, снова спустился вниз. Его голос стал ниже:

— Если ещё раз ударите автобус, не поедет никто.

Это подействовало лучше, чем просьбы.

Через двадцать минут двери закрылись.

На платформе осталось больше десяти человек. Они стояли почти неподвижно, словно не верили, что отказ может иметь такую простую форму: дверь, стекло и человек по ту сторону.

Женщина с детским рюкзаком всё-таки попала внутрь. Пожилой мужчина в плаще — нет.

Алекс видел его в окне, когда автобус начал сдавать назад.

Мужчина всё ещё держал билет двумя пальцами, аккуратно, за уголок.

Будто боялся помять доказательство.

Наверху вокзал «Ориенте» светился, как огромная стеклянная раковина. Автобус выехал на ночную улицу, миновал ряд такси, пустую остановку, полицейскую машину с мигающим синим светом.

Лиссабон не спал.

Он делал вид, что просто задержался.

У банкоматов стояли очереди. Возле круглосуточного магазина двое мужчин спорили из-за упаковки воды. На остановке люди смотрели на автобус с таким выражением, будто он ехал не в Мадрид, а в последнее место, где ещё можно было объяснить происходящее.

Мануэл включил радио.

Голос диктора был спокойным, почти раздражающе ровным:

— Правительство призывает граждан сохранять порядок и избегать распространения непроверенной информации. Ситуация находится под контролем. Медицинские службы работают в усиленном режиме. Ограничения на отдельных направлениях носят временный санитарный характер...

Кто-то в салоне громко фыркнул.

— Временный, — сказал мужчина через проход от Алекса. — Всё временно, пока не становится навсегда.

Водитель выключил радио.

Салон погрузился в шёпот.

Свет телефонов вспыхивал то тут, то там. Люди читали новости друг другу, но никто уже не знал, что считать новостями. На одном экране показывали горящую улицу где-то в России. На другом — карту заражений, раскрашенную так, будто болезнь была погодой. На третьем — человека в белом халате, который уверенно объяснял, что всё это психоз и рынки успокоятся к понедельнику.

Жоана сидела через проход, на ряд впереди. Она достала маленькую бутылку воды, сделала глоток и протянула её пожилой женщине рядом с собой.

— Мне не надо, — сказала женщина.

— Вам надо, просто вы экономите.

Женщина взяла бутылку.

Алекс открыл атлас на коленях. Лиссабон, мост, трасса на восток, Эвора, Элваш, Бадахос, потом Мадрид. Толстая красная линия казалась простой. Почти оскорбительно простой.

Он провёл пальцем дальше: Сарагоса, Барселона или севернее, через Францию, потом Германия, Дания, Швеция, Норвегия. Бумага не показывала блокпостов, паники, заражённых, людей с билетами, оставшихся на платформе.

Она показывала только дороги.

И в этом было утешение.

Первые сорок минут ехали быстро.

За окнами потянулась тёмная земля. Городские огни закончились, и автобус вошёл в ту часть ночи, где мир казался пустым, если не знать, сколько людей сейчас двигалось по нему в разные стороны.

Потом начались заправки.

Первая была закрыта. На въезде стоял пластиковый бак, заполненный песком, и лист бумаги на двери магазина:

«ТОПЛИВА НЕТ»

Вторая работала, но перед ней стояла очередь из машин. Мануэл не остановился.

— Нам нужно топливо? — спросил мужчина с кожаной папкой.

— Мне тоже, — ответил водитель.

— Тогда почему не остановились?

— Потому что там мы встретим утро.

На третьей заправке свет горел только в магазине. Топливные колонки были обмотаны красно-белой лентой. Перед входом стоял охранник с фонарём и дубинкой.

Мануэл остановил автобус у края стоянки.

— Десять минут. Туалет, вода, наличные. Карты могут не проходить. Не разбредаться. Кто не вернётся — я не жду.

— Вы же не можете уехать без пассажира!

Мануэл повернулся.

— Я уже сегодня оставил двенадцать человек с билетами.

Больше вопросов не было.

Алекс вышел вместе со всеми. Воздух пах холодной пылью, выхлопом и жареным кофе из автомата, который почему-то ещё работал.

В магазине полки были наполовину пустыми. Не было воды, батареек, консервов, дешёвых ножей, влажных салфеток. Остались сладкие батончики, автомобильные ароматизаторы, вино, дорогой шоколад и игрушечные машинки.

Кассир сидел за стеклом и принимал только наличные. Над ним висела рукописная табличка:

«ОДНА БУТЫЛКА В ОДНИ РУКИ»

Мужчина впереди Алекса попытался купить четыре.

— У меня семья.

— У всех семья, — сказал кассир.

— У меня в автобусе дети.

— У меня дома тоже.

Они смотрели друг на друга через стекло, и в этом коротком молчании было больше правды, чем во всех объявлениях правительства.

Алекс купил маленькую бутылку воды, два батончика и пачку бумажных носовых платков. Потом увидел рядом с кассой дорожные карты Испании и Франции. Не атлас, тонкие складные карты, старомодные, с глянцевого обложкой.

Он взял обе.

— Вам это зачем? — спросил кассир. — Телефон же есть.

Алекс посмотрел на экран, где значок связи снова исчез.

— Телефон тоже так думает.

Кассир впервые улыбнулся. Улыбка получилась короткой и усталой.

Когда Алекс вернулся к автобусу, возле передней двери уже спорили.

Мужчина лет пятидесяти стоял на ступеньке, подняв руки, чтобы его не трогали. На запястьях и шее у него были красные шелушащиеся пятна. Рядом с ним стояла женщина с короткими тёмными волосами и говорила слишком громко:

— Это псориаз! У него это двадцать лет! Двадцать лет, понимаете?

— Откуда мы знаем? — спросил кто-то.

— Посмотрите документы!

Она трясла медицинской справкой, сложенной в прозрачный файл.

— Сейчас любые документы можно напечатать, — сказал мужчина с кожаной папкой.

— Это болезнь кожи, — вмешалась Жоана. — Я медсестра. Это похоже на псориаз.

— Похоже? — переспросил кто-то сзади. — Вот именно.

Мужчина с пятнами молчал. Его звали Мигель. Жена называла его по имени снова и снова, будто этим можно было удержать его в человеческом виде для остальных.

— Мигель не заражён. Мигель не кашляет. У Мигеля нет температуры.

— А если оно начинается с кожи?

— А если у вас начинается с головы? — резко сказала Жоана.

Несколько человек одновременно заговорили. Кто-то потребовал измерить температуру. Кто-то сказал, что не поедет в одном автобусе с «таким». Кто-то наоборот просил не устраивать безумие.

Алекс стоял у багажного отсека с бутылкой воды в руке и чувствовал, как всё вокруг смещается на несколько миллиметров в сторону дикости.

Не резко.

Не так, чтобы один человек вдруг стал зверем.

Просто каждый сделал маленький шаг в сторону от другого человека.

Мануэл вышел из автобуса с аптечкой. В ней лежал бесконтактный термометр.

— Лоб.

Мигель послушно наклонился.

— Тридцать шесть и семь, — сказал водитель.

— Видите? — сказала его жена.

Но облегчения не произошло.

Потому что дело уже было не в температуре.

Люди смотрели на пятна.

На дорогу.

На часы.

На себя.

Вдалеке, где трасса уходила к границе, мигали синие огни.

Мануэл молча убрал термометр.

— Он едет, — сказал водитель. — У него билет и нет температуры.

— А ответственность на вас? — спросил мужчина с кожаной папкой.

— На мне руль.

— Если он нападёт?

Мануэл посмотрел на него.

— Тогда вы первым покажете, как надо спасать автобус.

Мужчина отвернулся.

Мигель поднялся в салон. Его жена прошла за ним, сжимая справку так крепко, что пластик хрустел.

Алекс вернулся на своё место. Когда автобус тронулся, он увидел в окне охранника заправки. Тот стоял под жёлтым фонарём и смотрел им вслед с выражением человека, которому тоже хотелось уехать, но он был привязан к месту ключами от магазина.

Дальше дорога стала медленнее.

Появились первые встречные машины. Они ехали не в Лиссабон и не к морю, а куда-то назад от границы. У некоторых были включены аварийные огни. На крыше одного автомобиля матрас был привязан ремнями, как доказательство окончательного решения.

В салоне никто уже не спал.

Мигель сидел в середине автобуса у окна. Рядом жена положила руку ему на колено. Люди вокруг старались смотреть в телефоны, в потолок, куда угодно, только не на него. От этого он стал ещё заметнее.

Жоана пересела ближе к нему.

— Если кто-то будет приставать, зовите, — сказала она.

— Спасибо, — ответила жена Мигеля.

Сам Мигель всё ещё молчал.

Через час автобус остановили.

Это был не пограничный пункт. Просто на трассе поперёк полос стояли две полицейские машины, грузовик дорожной службы и переносные прожекторы. На асфальте лежали шипованные ленты. Людей в форме было немного, но держались они так, будто давно перестали объяснять свои действия.

Один из них поднялся в автобус.

На нём была маска, прозрачный щиток и жёлтый жилет поверх бронежилета. В руках — фонарь и электронный термометр.

— Документы приготовить. Рукава поднять. Головные уборы снять.

— Мы едем в Мадрид, — сказал мужчина с кожаной папкой.

Полицейский даже не посмотрел на него.

— Рукава поднять.

Проверка двигалась медленно.

Сначала паспорт.

Потом лицо.

Потом лоб.

Потом фонарём в глаза.

Потом руки.

Это было страшнее обычной проверки документов. Паспорт говорил о том, кто ты. Глаза, кожа и температура — о том, чем ты можешь стать.

Когда полицейский дошёл до Алекса, тот протянул паспорт. Руки у него были сухими.

— Куда?

— В Норвегию.

Полицейский на секунду поднял взгляд.

— Через Мадрид?

— Через всё, что будет открыто.

Ответ вышел сам собой.

Полицейский не улыбнулся.

— Рукава.

Алекс поднял рукава. Фонарь скользнул по коже.

— Дальше.

У Мигеля всё остановилось.

Полицейский осветил на его руки, шею, лицо. Потом подозвал второго.

Жена Мигеля сразу заговорила:

— У него псориаз. Есть справка. Температуры нет. Его уже проверяли.
Второй полицейский взял справку, посмотрел на неё так, будто бумага была старой открыткой.

— Выйдите из автобуса.

— Зачем?

— Дополнительная проверка.

— Он не заражён!

— Выйдите из автобуса.

Жоана поднялась.

— Я медсестра. Это хроническое заболевание. Оно не заразно.

— Вы врач?

— Медсестра.

— Сядьте.

— Вы не можете забрать человека только потому, что он выглядит...

— Сядьте.

Голос был негромкий, но в нём уже не было места разговору.

Алекс встал не сразу. Он сам не понял, когда оказался на ногах.

— У него нет температуры, — сказал он по-португальски. — Мы все это видели.

Полицейский повернулся к нему.

— Вы кто?

Алекс открыл рот.

Муж? Нет.

Друг? Нет.

Врач? Нет.

Чиновник? Нет.

Человек, который просто не хотел смотреть, как другого человека выводят из автобуса?

Для этого не было графы.

— Никто, — сказал Алекс.

— Тогда сядьте.

И он сел.

Это оказалось хуже, чем промолчать с самого начала.

Мигель поднялся сам. Его жена пошла за ним.

— Только он, — сказал полицейский.

— Нет, — сказала она.

— Сеньора, если вы выйдете, автобус может уехать без вас.

— Тогда пусть уезжает.

Мигель наконец заговорил:

— Тереза, не надо.

— Молчи.

Она сказала это нежно, почти ласково.

И вышла за ним.

Через окно Алекс видел, как их поставили под прожектором возле грузовика дорожной службы. Не били, не тащили, не кричали. Просто отделили от остальных.

И этого было достаточно.

Проверка продолжилась.

Когда полицейские вышли, водитель закрыл дверь, но не тронулся.

— Подождём, — сказал он.

— Сколько? — спросил мужчина с кожаной папкой.

Мануэл не ответил.

Прошло пять минут.

Десять.

За окном Тереза спорила с человеком в жёлтом жилете. Мигель стоял рядом, опустив голову. Потом их повели к маленькой палатке за грузовиком. На входе палатки висела лампа, и тени людей внутри двигались по брезенту, как в немом театре.

В салоне становилось всё жарче.

— Мы не можем здесь стоять, — сказал кто-то.

— Можем, — ответил Мануэл.

— А если нас закроют вместе с ними?

— Тогда закроют.

— У меня дети в Испании.

— У всех кто-то где-то, — повторил водитель чужую фразу, и теперь она прозвучала совсем иначе.

На пятнадцатой минуте к автобусу подошёл полицейский и постучал в дверь.

Мануэл открыл.

Они поговорили вполголоса. Алекс не слышал слов, только видел лицо водителя. Сначала раздражение, потом усталость, потом что-то похожее на бессильную злость.

Мануэл вернулся за руль.

— Едем.

— А они? — спросила Жоана.

— Их оставляют на обследование.

— На сколько?

— Мне не сказали.

— Мы можем оставить им вещи?

Мануэл посмотрел в зеркало.

— Их вещи уже выгрузили.

Он включил передачу.

Автобус тронулся.

Никто не сказал «так надо».

Никто не сказал «иначе нельзя».

Никто не сказал вообще ничего.

Это молчание было хуже оправданий, потому что в нём каждому оставалось слышать только себя.

Алекс достал атлас и нашёл место, где они примерно находились. Поставил точку шариковой ручкой.

Дороге это не помогало.

Зато у поступка появлялась координата.

После блокпоста люди в салоне изменились.

Не сильно. Никто не начал кричать, драться или молиться вслух. Просто разговоры стали короче. Вопросы — практичнее. Взгляды — осторожнее.

Мужчина с кожаной папкой теперь сидел тихо, положив папку на колени обеими руками, как щит.

Жоана пересела назад и остановилась рядом с Алексом.

— Можно?

Он убрал сумку с соседнего сиденья.

Она села и посмотрела на карту.

— Вы правда в Норвегию?

— Да.

— Семья?

— Жена должна выехать из Москвы. Дети уже там.

— Где там?

— Вега.

Жоана нахмурилась.

— Это далеко.

— Я знаю.

— Нет, — сказала она. — Вы пока не знаете.

Алекс хотел возразить, но не стал.

Она была права.

Он знал расстояние. Километры, города, дороги, переправы. Но это было не то же самое, что знать путь.

За окнами начало светлеть.

Сначала небо просто перестало быть чёрным. Потом на горизонте появилась серая полоса. Земля стала плоской, сухой, редкой. Вдоль дороги тянулись заборы, оливковые роши, пустые поля. В свете раннего утра всё выглядело мирно, и от этого становилось особенно неприятно.

Потому что мир не обязан был выглядеть разрушенным, чтобы быть сломанным.

У поворота на Эвору стояла очередь машин. Она начиналась ещё до съезда и уходила куда-то за холм. Люди выходили из автомобилей, курили, ругались, открывали багажники. По обочине шёл мужчина с канистрой. У девочки в красной куртке на шее висела клетка с попугаем.

Мануэл проехал мимо, не снижая скорости.

— Нам туда не надо? — спросила Жоана.

— Нам надо туда, где меньше людей, — ответил водитель.

Перед Элвашем трасса снова встала.

На этот раз не из-за полиции.

Впереди, насколько хватало глаз, стояли машины, автобусы, грузовики, мотоциклы. Часть людей пыталась развернуться прямо через разделительную полосу. Несколько автомобилей стояли с открытыми капотами. Из одного грузовика кто-то продавал воду через приоткрытую дверь кабины.

Дальше над дорогой поднимался чёрный дым.

— Авария? — спросил кто-то.

Мануэл молчал.

Он съехал на обочину, медленно продвинулся метров двести, потом остановился. Водители соседних машин смотрели на автобус с ненавистью, как на существо, которое пытается пролезть вперёд не по праву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.